

13 октября 1970 г. № 238 (8198)

КОГДА в театре идут генеральные репетиции, как-то исподволь возникает в воображении человек, который уже купил билет на премьеру. Скоро он придет к нам, наверняка с радостным ожиданием чего-то необычного (только так, по-моему, идут на премьеру — равнодушного не затащишь).

Образ этого зрителя тесно сплетается с той задачей, которую ставишь перед собой в спектакле. Пьеса серьезная, глубокая — и видится серьезный, все понимающий человек. Вот он — едва разнимом среди моря внимательных лиц в партере. Кажется, улыбнулся. Это хорошо. Во время напряженной кульминационной сцены кинул несколько раз головой — прекрасно, значит понравился. И вдруг как будто отвлёкся, посмотрел на часы, оглянулся на соседа — явно чем-то недоволен. Да, да, конечно, сцена идет плохо, несвязно, надо переделывать, иначе пропадет... Странно, если этот человек после спектакля на вопрос знакомого: «Ну, как?» слегка пожмет плечами.

...Можные вечные полнения театра, но в жизни без них немилым, неинтересным.

А вот ставишь комедию. Ну, конечно, — представляешь себе сидящего в зале обаятельного человека с веселыми искорками в глазах. Вот он по-детски удивленно раскрыл рот, вот рассмеялся при уморительной ситуации, перешагивая с женой — услышал тонкую остроту! Он доверчив, этот зритель, и когда репетируешь, начинаешь ловить себя на том, что живешь его восприятием, что он — в тебе и что ты отдаешь готовый спектакль в руки союзника.

А если поставишь...

ТЕАТР

ЧЕЛОВЕК И ЕГО РЕШЕНИЯ

И слова передо мной — облик какого-то нового человека, бесконечно дорогого. И так становится обидно, даже стыдно, когда что-то не получается. Дело представляешь себе, как он уходит из зала без теплоты в сердце — чудо сочинения не состоялось...

Сегодня, взявшись за перо, я снова представлял себе человека из бесконечно дорогого мне племени театралов. Что бы я спросил ему на вопрос о принципах формирования репертуара нашего театра, о своей выработанной или намечающейся теме, о проблемах, которые волнуют коллектив?

На такие вопросы всегда трудно давать ответ. Я вообще не сторонник широкообъемного объявления художником своей творческой темы. Ведь делается все, как понимаешь, а если есть у тебя вот эта самая тема, то ее, по-моему, должны обнаружить критики в зрители.

Для начала я, разумеется, спросил бы своего собеседника:

— Вы, очевидно, просмотрели несколько спектаклей нашего театра? — И если бы узнал, что он — наш постоянный зритель, что за его вопросами — глубокая заинтересованность, вероятно, ответил бы так...

Наш принцип отбора пьес очень прост: ставим побольше хороших произведений.

Среди спектаклей нашего театра были, мне кажется, и удачные и просто плохие. Но лучшие работы все же, по-моему, объединяет нечто общее. Я бы так определил нашу главную творческую проблему: человек и его решения. По-моему, это современно. Сейчас создана наука об управлении, о принятии решений на производстве. Я не знаю, когда будет создана такая наука для человеческой жизни и сможет ли она объединить миллиарды неповторимых человеческих индивидуальностей. Не знаю вообще, возможна ли такая наука. Но каждому человеку надо жить и строить свою жизнь, а для этого нужно ежедневно принимать малые и большие решения, организовывать свои отношения с окружающим миром.

Репетируя, мы в театре прежде всего занимаемся разборкой решений персонажа, его поступков, добиваемся, чтобы видны были пружины решений. Но этого мало. Ведь суть людей не всегда проявляется в поступке, она еще и в умении оценить свой поступок, в умении (или неумении) предстать перед судом своей совести. И тут нельзя ничего упрощать, нельзя допускать схематичности.

Надо добиваться, чтобы каждый показанный на сцене человек обладал своим полнокровным характером, своим живым своеобразием — тогда становится интересней взаимосвязанность этого характера и его решений. Причем характеры надо отбирать остроже. Помните, как сказал А. В. Луначарский? «Нас может интересовать только такой характер, который является

для нашего времени либо источником силы, либо источником слабости».

Итак, человек и его решения. Все же замечу (особенно для скептиков): пока еще это определение относится не столько к тому, что у нас есть, сколько к желанию того, о чем мы должны заботиться, о чем должны больше говорить.

Мы у себя в коллективе уже давно говорим о теме человеческой стойкости. Это не только стойкость в бою. Стойкость высоких моральных качества человека в его мирной жизни не менее важна. В сутолоке будней можно растерять идеалы, стать обывателем, измениться неузнаваемо. Все люди начинают жизнь с желания прожить ее радостно, творчески, хорошо. А итоги бываю разные. И когда мы в театре воссоздаем жизнь человека, то стремимся исследовать его решения, которые направлены на то, чтобы отстоять в себе человечность в самом высоком понимании этого слова. Очень хорошо сказала писатель В. Овечкин: «Искусство движет тоска по хроническому человеку».

Говоря со сцены о человеческой стойкости, мы, к сожалению, не всегда последовательны, не всегда точны. Нам нужно быть более ответственными перед своей темой.

И еще. Для человека тяжелее всего разочарование, поэтому важно говорить ему о конфликтах и противоречиях жизни. Чтобы готовить его к преодолению этих конфликтов и противоречий. Воспитание правдой — лучшее воспитание. И в жизни, и в искусстве.

Я написал это и вдруг подумал, что мне могут возразить: если театр пытается ограничить себя рамками одной темы, не будет ли это на практике выглядеть однообразием в подборе пьес?

Замечание серьезное. Но что делать? Свою точку зрения надо пытаться вырабатывать ежедневно. Герцен скажет: «Положим, что вопросов не разрешите вы, но сама возбужденность мысли уже есть своего рода образование».

Все работающие в искусстве знают, что каждая художественная линия или коллектив по закону должны иметь свою линию. Творческое лицо. Но прежде нужна голова. Приходится о многом думать (вот она, возбужденность мысли!). Можно, скажем, строить репертуар, отбрав малознаемые или никогда не ставившиеся пьесы, можно искать новые решения широкоизвестных. Дело не в этом. «Все жанры хороши, кроме скучных» — старая истина.

Так вот, когда речь заходит о возможном однообразии подбора пьес на одну тему, что не звучит противоречием тому, что утверждалось выше. Допустим, найдена своя тема, но избежать однообразия, а значит и скуки, должна помочь голова. Один раз на всю жизнь не загадывай. Успех в искусстве правил не рождает. Не если определять себе русло, то пусть оно будет подвижно. Жизнь театра должна подходить на реку. В своем движении она разветвляется на ряд рукавов, затоной, пойм, и тем не менее устье — одно.

И если сказать, что театральный коллектив должен стремиться к концепционности той главной темы, которую он в себе нашел, и не забывать, что есть много интересного и в темах, менее его волнующих (сегодня завтра они могут стать главными), — то, я думаю, можно нечертить этот разговор.

Хочется лишь добавить несколько слов по поводу герценовского выражения о возбужденности мысли как образовании...

Театр, разумеется, стремится к такому образованию. И снова предвижу возражение: а как поймет все зритель, для которого искусство только забавля? Что вы ответите ему?

На эту тему можно было бы начать разговор длительный и интересный. Но буду краток. Ничего страшного в этом «диссонансе» нет. Нужно только найти отправную точку. А она в том, что мы должны делать шаги и к такому человеку. Надо добиваться, чтобы он нас понял. Зритель всегда прав — я за эту точку зрения. Да и так ли плохо забавля? Вот Брехт прямо говорил: «Забавляя — лечишь». Значит, и забавля может иметь смысл на театре.

А сейчас, когда только начался новый сезон, нам надо много работать, чтобы хорошему профессиональному труппу преподать в естественный творческий коллектив. Этим нужно заниматься на каждой репетиции, на каждом спектакле. Копия этому нет. Но если этого не сделать, трудно идти дальше.

Что мы покажем своему зрителю?

Многое. Уже состоялась премьера легкой, ироничной комедии Э. Брайнского и Э. Рязанова «С легким паром!». Впереди — философская драма Гибсона «Ангия Сидлики» и современная, очень живая пьеса Вампилова «Старший сын», драма Леонида Андреева «Тот, кто получает пощечины» и пьесы А. Штейна, великого венгерского драматурга Мольнера. В планах — Чехов, А. Толстой, Островский... Как говорится, следите за афишами...

Думаю, мы, а вместе с нами и зрители, отыщем в этих пьесах и общее. При всей их разноплановости.

С. ЛЕРМАН.

Заслуженный деятель искусств ЭССР, главный режиссер Государственного русского драматического театра ЭССР.